ПОДНИМИТЕ ЗАНАВЕС!

"Ташкент — Правда Востока"

Года три тому назад мне пришлось быть свидетелем необыкновенного происшествия в театре. Это было в Ташкенте на одной из постановок ТЮЗ — театра юных зрителей. Пьеса «Правда на сцене». Зал был битком набит детьми.

К концу пьесы, когда пионер, попавший на пароход захваченный в первые годы гражданской войны белогвардейцами, поднял среди матросов восстание и по палубе и трапам как заметалась дама-аристократка со всякими-всякими бухлями и какой генерал в штанах с лампасами, на стул в третьем ряду забрался симпатичнейший голубоглазый бутуз лет на семь и звонко выкрикнул, обращаясь к сцене:

— Дяля, главный. А, дяля главный! Это как — понарошке или в самом деле?

Постановщиков не смутил этот конкретный, заданный по ходу действия, вопрос. Актеры прервали на минуту игру, на сцену вышел режиссер, который дал взволнованному малышу необходимые об'яснения. Выслушанные с затаенным дыханием остальной аудиторией. И было несомненно, что героический поступок пионера, возвратившего Отчине советов угнанный пароход, оставит неизгладимый след в сердцах малышей, жадными глазами пожирающих каждый жест, каждое движение на сцене.

Итак, прошло три года, и я вновь случайно столкнулся с ТЮЗ в Ферганской долине, где он сейчас гастролирует.

Прошли три года — срок громадный в великие времена нашей эпохи, когда день, месяц и год приносят сдвиги, измеряемые ранее десятилетиями.

Какой громадный скачок, какой перелом в ТЮЗ, в этом подлинном детище культурной революции, в театре, призванном воспитывать нашу смену!

Какие разительные сдвиги и перемены в театре, который должен помочь нам вырастить, взлелеять новое поколение, наши цвет и надежду, наших детей — будущих членов бесклассового социалистического общества!

...Театр был вновь битком набит. ТЮЗ ставил свою единственную за сезон постановку для детей — «Кумандные высоты». Центральное место в пьесе занимала двухспальная кровать, вокруг которой на глазах удивленного юного зрителя разыгрывались вещи, способные кого угодно вывести в краску стыда.

Несколько позже на сцену выдвигался скотский сарай вбежала полуголая актриса, неистовствовала от имени ТЮЗ не то танго смерти, не то танец живота.

Вариток с надрывом вывел в три тоски:

«Сильва, ты меня не люб-и-и-ишь!
Сильва, ты меня могуб-и-и-ишь!»

Вахрастый тенорок выводил:

«Частица черта в нас
Заключена подчас,
И сила женских чар-р-р...
Творит в сердцах пожар-р-р...»

Что случилось? Как у вас ТЮЗ допустился до жизни такой, — грянули из Главискусства, товарищи из Народного комиссариата просвещения?

*

Весной прошлого года радужно на отремонтированный ТЮЗ, погрузившись в пульмановские вагоны, имея даже специальный вагон-библиотеку, двинулся на гастроли по Узбекистану. Впереди была интересная заманчивая работа: предстояла благодарная задача водить толпу нетронутого юного зрителя из Кармине, из Старой Бухары, из Термеза, тысячи детишек, которых мы, пионеры, не часто балуем полезными культурными развлечениями полобного рода и для которых детские игры — театральные постановки это такое из редкое явление как, скажем, бесперебойная работа трамвая в Ташкенте.

ТЮЗ Узбекистана так сконструирован, что он может охватить и надолго нального и европейского юного зрителя. Ведь у ТЮЗ директор — коммунист, торжествовавший коллективу в твердое и идеологическое руководство и теплое товарищеское отношение.

... Пообещав я то и другое своему театру, директор, помахав платочком из окошка в международном вагоне, с головой окунулся в одну из тех командировок по необ'ятной Ср. Азии, в которых он неизвестно чем валяется оттуда, транжиря деньги вот уже бытых 10 месяцев, изредка наезжая в свой театр. Театр, имея в репертуаре неплохие детские пьесы — «Винтовку», «Галошу», «Дружным ходом»,— обещанки весной пионерские лагери и клубы в Коканде, Фергане и Намангане, начал постепенно сползать со своих рельсов.

Театр, приехав в Самарканд летом прошлого года, не имел уже ни плана, ни площадки, ни состава, ни директора, который, благодушно прощавшись в одном из ташкентских поседок, изредка присылал телеграммы, обещая, что вот-вот пришлет деньги, что вот-вот приедет сам.

Театр метался по краю, теряя реквизит, декорации, гардероб и технический лицо.

Самарканд... Катта-Курган... Коканд... Бек-Буди... Халтурные спектакли... Пятирублевые авансы в счет будущих расчетов за прошлую зарплату. Актеры, толкаясь на барахолках и отчаянно торгуясь с перекупщиками, загоняли сюртуки, фраки, манишки, платья, штаны и рубахи.

Коллектив волновался. Местком слал тревожные, информационные письма в ЦК союза, актеры требовали от [illegible] з Ташкент, чтобы там, [illegible] культотдел общественных [illegible]ций организаций, добр[illegible]чения и получить по[illegible]ративное и художественное руководство.

Экстренно прибывший банкрот-директор, рыча, угрожал расцепить требованные прицепки вагона на Ташкент как политическую выдумку и дерзкий вызов советской власти. Но суть да дело актер Славин, схватив под мышку чемодан, выскочил из поезда на каком-то полустанке и удрал с директорией в жилудке, шмаля по шкалам, подальше от этого самого ТЮЗ. Сахаров, благополучно смылись в отпуск, прислал оттуда открытку с видом и отказ возвратиться. Началось дезертирство...

Сунувшись в Чарджуй, заглянув в Мерв и Кушку, театр по приказу директора выгружался осенью прошлого года в Термезе, куда прибыло лидское пополнение. Вновь приехавшие актеры откровенно сознались коллективу, что, нанимая их, директор об'яснял, что ТЮЗ — это просто так, вывеска, что на счет классовой линии в репертуаре пусть они не беспокоятся, будет не классовая, а кассовая.

В конец изодранный местком подал в полном составе в отст...ку, категорически отказавшись заниматься профсоюзными делами.

Театр бурлил...

Решков приехав в Термез, преподал изголодавшемуся коллективу установки на «Сильву», «Вальдорку» и цыганщину, истолковывая непонятным тяжелым, что только с этим репертуаром можно прокормиться в смутные наши времена, и утверждая что Главискусство Узбекистана санкционировало этот поворот художественного руля театра юного зрителя, так как оно симпатичное Главискусство ничего заборного в значительной «Сильве» не находит, коль скоро одним она для души, а другим — для кармана.

Режиссер Неизвестный, отказываясь работать на «Сильву», покинул театр, в создавшая для художественного руководства коллектив работников через короткий срок сдала обратно свои вверительные грамоты, будучи не в силах одолеть увлекшуюся коммерческой администрацию.

Началось паническое бегство актеров из ТЮЗ, как вдруг, после многочисленных сигналов, подаваемых в центр, из Ташкента приехала обследовательская комиссия в составе представителей ЦК комсомола, ЦП рабпса, Главп... и прочего искусства.

Как выяснилось, позже, Главискусство, отплевывавшееся от кучи заявлений и отчаянных писем о том, что театр разваливается, что коллектив разлагается и, выпотрошившись на барахолках, вновь валяется на холодном полу какого-то сарая, куда актеров в шею выгнали за неплатеж за квартиру, откликнулось на вопль коллектива лишь после того, как актеры со специальным человеком прислали в ЦК комсомола фотоснимки с «Сильвы» и «Вальдорки» в исполнении «Республиканского государственного театра Узбекистана для юных зрителей».

Комиссия зафиксировала полный развал театра, деморализацию коллектива, который, естественно, в этих условиях стали проклинаться закулисные нравы печальной памяти «театра купца Елишкина».

Комиссия вынесла великолепное, выдержанное и сугубо политических тонах, решение, в котором проклинала и проскрипала такие глаголы и имена существительные, что сердца коллектива наполнились надеждой. Записав, что директора, развалившего дело, надо незамедлительно снять, комиссия купила билеты с плацкартами до Ташкента, отбыв в полном благополучии. Актеры смотрели ей в след умиленными глазами.

Шли дни и месяцы,—как пишут в кинематографических либретто. Театр, воровски увязав в узелочки свои последние монетки, удрал из Термеза, задолжав городу несколько тысяч рублей. Опять начались голодные скитания по городам, холодные ночевки по вокзалам. Люди, злобясь друг на друга, ссорились, пышным цветом расцвели склочки и интриги, среди которых гордо вел свой корабль к неведомым берегам несокрушимый директор Решков.

В день празднования годовщины шести условий т. Сталина Андижан был свидетелем необычайного явления. Этот день был действительно историческим днем для ТЮЗ. В этот день актерский коллектив ТЮЗ, среди которого никогда не велось никакой общественной работы, впервые узнал о существовании шести условий Сталина!

А накануне, по распоряжению директора Решкова, в андижанский летний сад на эстраду отправились на очередную халтурку очередные актеры разложенного, развалленного ТЮЗ.

Предместкома управлял директора не подходить ближе чем за два квартала к общежитию, где на трапе вытались актеры.

—Убьют, ей богу убьют—провинциально говорил предместкома.

Директор, презрительно махнув ручкой, вспорхнул в вагон. Перед отъездом в эту очередную поездку на поклон к той бабушке, что ворожит ему в Ташкенте, он прислал нам такую записку:

«Дорогой товарищ! К сожалению не могу зайти к вам в отделение «Правды Востока». Спешу, еду по делам театра, занят, извините».

Нам кажется, что Центральная контрольная комиссия коммунистической партии Узбекистана немедленно заслушает и клеймения директора ТЮЗ в об'яснения коллегии Главискусства. Прокуратура республики займется остальным.